

мобильности, ей присуще неполное включение в существующие социально-экономические и политические отношения;

- в-четвертых, молодежь несет функцию социального воспроизводства, отвечает за жизнь предшествующих поколений, за сохранение и преемственность развития общества [5].

Поэтому молодежь должна быть активным, заинтересованным участником решения задач, стоящих перед государством и обществом. В свою очередь государство и общество должны создать необходимые условия для самореализации молодежи и ее активного включения в общественные процессы.

В связи с этим, общество и государство должно создать систему мер, направленных на создание и развитие молодежных общественных объединений, и оказывать системную поддержку путем принятия соответствующих законодательных и нормативных актов, изменения механизма финансирования.

Молодежная политика должна осуществляться в субъектах Российской Федерации вариативно, с учетом специфики регионов и местных условий, но при безусловном соблюдении базовых федеральных стандартов. Молодым людям во всех субъектах Российской Федерации должно быть гарантировано участие в общественном и государственном строительстве, защита их прав и законных интересов.

Сведения об авторе

Макарова Ольга Александровна - старший преподаватель кафедры ГМУ и политики Читинского государственного университета, e-mail: makarova108@mail.ru.

Data on author

Makarova Olga Aleksandrovna – senior teacher of GMU and politics of Chita State University, e-mail: makarova108@mail.ru.

УДК 321

ББК 66.5(2)4

Литература

1. Аверьянов Л.Я. О проблемах молодежи и не только [Электронный ресурс] URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-10/Averyaniv_22.pdf, свободный.
2. Андреев Н.И. Молодежь и время: социальный выбор // Ценности социальных групп и кризис общества. – М.: Мысль, 1991. – С. 54.
3. Васильева Е. Молодежь в политике: опрос населения / Е.Васильева, [Электронный ресурс] // URL: http://bd.fom.ru/report/cat/polit/yong_pol/d082024, свободный.
4. Гуцу И.Т., Плацкий С.И. Образ жизни молодежи современного села. – Кишинев, 1984. – С. 37.
5. Доктрина государственной молодежной политики Российской Федерации / [Электронный ресурс] URL: <http://www.rusmol.org/doctrina1.html>), свободный.
6. Концепция молодежной работы в РФ от 05.10.2006 / [Электронный ресурс] // URL: http://sam.fizteh.Ru/analysis/concept_oprf.html, свободный.
7. Шельский Г. Синтетическое поколение. – М., 1968.

Literature

1. Averyanov A.A. About youth problems and not only just/ A.A. Averianov [Electronic resource] // access mode: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-10/Averyaniv_22.pdf.
2. Andreev N.I. Youth and time: social choice/ N.I. Andreev // Social groups' values and society's crisis. –M.: Mysl. 1991. – P. 54.
3. Vasilieva E. Youth in politics: conduct of public opinion poll [Electronic resource] // access mode: http://bd.fom.ru/report/cat/polit/yong_pol/d082024.
4. Gutsu I.T., Platskiy S.I. Youth mode of life in the contemporary village -- Kishinev, 1984. – P. 37.
5. Doctrine of state youth policy in Russian Federation / [Electronic resource] // access mode: <http://www.rusmol.org/doctrina1.html>).
6. Concept of youth work in Russian Federation from 05.10.2006 / [Electronic resource] // access mode: http://sam.fizteh.Ru/analysis/concept_oprf.html.
7. Shelskiy G. Synthetic generation. M., 1968.

Л.В. Савинов

ЭТНОПОЛИТИКА: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО НАЦИИ И ЭТНОСА

Статья посвящена теоретико-методологическому осмыслению политического пространства и времени нации и этноса как условий формирования этнополитики современной России. Исследование опирается на инструментальную парадигму понимания этнополитики и этнополитических процессов.

Ключевые слова: нация, этнос, этнополитика, политическое пространство, политическое время.

L.V. Savinov

ETHNOPOLITICS: POLITICAL SPACE OF NATION AND ETHNOS

The Article is devoted to theoretico-methodological comprehension of political space and time of nation and ethnos as terms of ethnopoltics formation in modern Russia. The research is based on the instrumentalistical paradigm of ethnopoltics and of understanding ethnopoltical processes.

Key words: nation, ethnos, ethnopoltic, political space, political time.

Начало XXI в. для России характеризуется социальными вызовами, связанными с новыми этно-

политическими реалиями: усилением миграционных тенденций, приводящих к появлению доста-

точно больших этнодиаспоральных сообществ, – проблема включенности «новых» мигрантов в российское социокультурное и социально-политическое пространство; увеличением в обществе проявлений этнического национализма, экстремизма и нетерпимости – проблема этнической толерантности; значительной социально-экономической и политической асимметрией территорий, приводящей к появлению этнонационалистических требований в российских окраинах – проблема «внутреннего колониализма»; объединением субъектов Федерации – процесс, который несет не только интеграционные, но и значительные скрытые угрозы и вызовы этнополитического характера и т. д.

Обозначенные проблемы далеко не завершают список, однако являются основными в этнополитической повестке дня. Вместе с тем картина значительно осложняется с учетом региональной специфики и особенностей и требует выработки адекватных ответов на новые этнополитические вызовы.

Очевидно, что сегодня Российская Федерация преодолела угрозу распада, связанного с этнотерриториальной фрагментацией. Однако поиск позитивных альтернатив, направленных на развитие интеграционных этнополитических тенденций, все еще остается актуальной как научной, так и практико-прикладной проблемой.

На этом фоне в российской науке, в том числе этнополитологии, сложилось неоднозначное представление о роли этноса (этнических групп и общностей) и этничности (этнической идентичности) в политических процессах. Неоднозначно и понимание механизмов политизации этничности и этнизации политики.

Для современного российского общества – общества полиэтнического и многоконфессионального и потому мультикультурного и многосоставного в своей сути – все еще находящегося на этапе серьезных социальных трансформаций и демократического транзита, адекватное объяснение и корректный анализ содержания, характера и направленности этносоциальных процессов требуют прежде всего адекватного понимания смыслов и ценностей современной этнополитики, места и роли самой этнополитики в социально-политическом пространстве и времени.

В этих условиях самостоятельной теоретико-методологической проблемой является осмысление феноменов этнизации и этнификации политического пространства и политического времени как механизмов конструирования современной этнополитики.

Как известно, теория и методология исследования этнополитики начинает свою историю с того момента, когда в 70-х г. XX в. появилась новая междисциплинарная отрасль социально-гуманитарного знания – этнополитика. Можно сказать, что ее институционализация началась со

статьи М. Паренти «Этнополитика и жизнеспособность этнических идентификаций» (1967) и завершилась изданием фундаментальной работы Дж. Ротшильда «Этнополитика» (1981).

Согласно М. Паренти, этнополитика занимается анализом взаимосвязи этнической идентификации и политического выбора. По мнению Дж. Ротшильда, в центре этнополитики должно находиться исследование «политического измерения и политико-структурного содержания этничности» и его предметом является политический срез, политическое содержание этнической действительности. В этом смысле этнополитика изучает «политизированную этничность», которая представляется в качестве важнейшего политического феномена современности. В свою очередь, под политизацией этнической идентичности понимается такой уровень ее мобилизации, в результате которой она превращается из психологической, культурной и социальной величины в политическую силу.

Однако наличие политического смысла в действиях этнических акторов (как правило, элит) еще не делают эти действия предметом этнополитики – важно определение политического содержания этнической мобилизации для достижения разнообразных потребностей и интересов этнических групп. При этом их политические интересы могут быть актуализированы различными по содержанию целями. В частности, для одних это сохранение этнической идентичности и вообще физического выживания, для других – развитие языка, культуры, сохранение религии и традиционного образа жизни, третьи стремятся к широкой политической автономии или к созданию собственного государства.

Сегодня российская общественнонаучная наука до сих пор не выработала консенсусных позиций в отношении сущности и содержания этнополитики как аналитической категории и категории бытия [9]. Многолетние споры представителей разных методологических позиций (в основном эссенциалистов и конструктивистов), высокий эмоциональный накал этих дискуссий не только усложняют научное видение проблематики, но и вводят в терминологические тупики как практиков этнополитики, так и широкую общественность.

Основная проблема определяется пониманием природы этноса и нации как категорий культурных и политических. По большому счету необходимо поставить три вопроса: что есть этнос и этническое; что есть нация и национальное; каково соотношение этнического и национального в современном мире и/или в России. При этом третий вопрос уже не только теоретико-методологический, но и практико-прикладной, то есть политический по своему содержанию.

Философское решение проблемы сущности этнополитики видится в более внимательном отношении к метатеоретическому осмыслению феноменов этноса и нации, а также более глубокому

пониманию этнополитики как сферы социального бытия, включающей политическое, экономическое и культурное содержание в пространственно-временной системе политических координат.

Итак, под *этнополитикой в широком смысле* понимается определенная сфера политической жизни общества, в которой так или иначе затрагиваются интересы и чувства этнических групп (общностей) и других акторов, включенных в этнополитические отношения. *В узком смысле этнополитика* — это конкретная деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, направленная на регулирование этнонациональных отношений.

Таким образом, этнополитика это сфера политического бытия, определяемая участием этнических групп во власти и властных отношениях и в управлении этносоциальными процессами.

Характер и содержание современных этнополитических процессов свидетельствуют об изменении смыслов и ценностей этнополитики и прежде всего появлении новых этнополитических пространств и нового этнополитического времени, их взаимообусловленности.

При этом в условиях социальных трансформаций пространственно-временные структуры либо эволюционируют (расширяются, сжимаются, деформируются), либо появляются совершенно новые континуумы. К примеру, в современной России наблюдается сужение политического пространства за счет расширения административного.

Поэтому понимание и объяснение природы изменения этнополитического пространства и этнополитического времени невозможно без более широкой постановки проблем онтологии и гносеологии всего социального континуума, в том числе и политических пространственно-временных структур различного содержания и уровня.

В связи с этим важно определить возможности и ограничения этнизации и этнификации политического пространства и политического времени как механизмов конструирования новых смыслов и ценностей этнополитики.

Сложность анализа современного общества, по мнению Э. Гидденса, заключается в том, что осведомленность одних субъектов деятельности и высокая степень «ситуативности в познании» других создают условия «смещения» преднамеренных и непреднамеренных последствий действий. И тогда социальные явления представляют собой «то, что для одних индивидов является регулируемым (контролируемым) аспектом социального окружения, для других может быть чем-то, что скорее «случается», нежели «целенаправленно осуществляется» [4, 465].

Сегодня любой пространственно-временной континуум это не просто «вещь в себе», но и «социальный факт» (по Э. Дюркгейму). При этом пространственно-временной континуум необхо-

димо понимать как сложно структурированную систему, когда в современном мире политика, экономика и культура сами по себе приобретают феноменологическое содержание и «интерсубъективность» (по А. Шюцу).

Можно сказать, что общественное (социальное) сознание в самом широком смысле есть углубленный поиск онтологичности происходящего в социальном пространстве и времени, либо постижение трансцендентных форм бытия. И потому окружающий нас пространственно-временной континуум это уже не только и не столько мир-система в социальной перспективе, а сколько трансцендентальная метареальность, конструируемая, реконструируемая и деконструируемая в каждой точке пространственно-временных координат. И здесь очень важно понять: кто конструктор, кто формирует смыслы и содержания этой метареальности и, наконец, кто акторы социального действия, разворачивающегося на исторической авансцене.

И еще одна теоретико-методологическая проблема анализа конструирования социального пространства и времени как новых смыслов напрямую связана с гносеологией изучаемых феноменов.

Как известно, существует два подхода к пониманию социального пространства. В первой трактовке — субстанциалистской — социальное пространство состоит из субстанций — индивидов, социальных групп и организаций. Во второй трактовке — структуралистской — социальное пространство рассматривается как «агсамбль невидимых связей, тех самых, что формирует пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции — сверху, снизу или между, посередине» [2, 185]. В этом случае значим тезис В. Ильина о многомерности социального пространства. Его аналогом может быть шар, рассекаемый многими плоскостями в разных направлениях, где каждая плоскость — это особая социальная структура, состоящая из статусных позиций.

Не менее важна и теория структуризации Э. Гидденса, согласно которой, социальная структура — это набор правил, которые определяются одновременно и результатом, и условием действия индивида. Субъект в одно и то же время создает правила, воспроизводит их, следует им. Институты в таком случае выступают как социальные практики, протяженные во времени и пространстве [5].

Политические институты и в первую очередь государство поддерживают социальный порядок, формируя и структурируя социальное не только пространство, но и социальное время. При этом в условиях транзита и революционного изменения нормативно-ценностной и институциональной матрицы общества социальная реальность как

прошлое, настоящее и будущее теряет свою определенность и устойчивость. Формируются новые смыслы и значения, в том числе политического содержания и направленности.

В этих условиях общественное сознание испытывает огромные перегрузки. Возникает ложное сознание, когда объективные картины мира отражаются искаженно, предвзято и тенденциозно. Кризисное состояние сознания инициирует неадекватное восприятие социальной действительности и формирует из фрагментарных элементов комплекса «социальных квазиреальностей» [1]. Примером может служить политика президента Украины В. Ющенко, направленная на конструирование «своей новой» истории государства, и реакция на это жителей восточных регионов Украины и особенно Крыма.

Социальное время в свою очередь является категорией от антропного и «создается» деятельностью. Оно «если рассматривать его как реальность, есть не что иное, изменение и движение» [6, 101].

В современных обществах как ни в каких других актуализируется проблема «управления временем»: прошлым, настоящим и будущим. Прошлое конструируется через интерпретацию истории и в первую очередь через учебники истории. Настоящее организуется элитами и господствующим правящим классом в своих интересах и согласно своим ценностным ориентирам. Будущее формируется через включение в массовое сознание определенных смыслов и значений и прежде всего мировоззренческого содержания.

Реальность такова, что сегодня возможности этнических антрепренеров – государства, политических и гражданских структур, церковей, лидеров общественного мнения и т. д. – по формированию этнически заданных смыслов, ценностей, значений и символов практически неограничено. Спектр инструментария, которые используют этноантрепренеры, значителен и эффективен. Это и управленческие решения, и политико-идеологические установки, и социоинженерные конструкции, и коммуникативные практики.

Россияне относятся к нации соотечественников, ориентированных на коллективистские ценности, а не к нации сограждан, ориентированных на ценности индивидуалистическо-прагматического плана (определение Ю. Хабермаса) [10, 2]. В силу этого в российском обществе во все времена национальный (гражданский) универсализм всегда уступал этническому партикуляризму будь-то большинства или меньшинства.

В таких условиях крайне необходимо уточнить категории «этнизация» и «этнификация», которые в современной этнополитологии не получили устойчивых определений.

По нашему мнению, этнизация – это процесс преднамеренного и/или непреднамеренного включения этнического в социальные и, главным обра-

зом, политические явления и процессы. Это выстраивание миросистемы, в том числе из этнических смыслов и ценностей как конструкций.

В свою очередь, этнификация – это придание социальным явлениям и процессам этнического содержания. Фактически это конструирование-описание миросистемы.

Сами возможности и ограничения этнизации и этнификации политического пространства и политического времени зависят от характера доминирующей в том или ином обществе (сообществе) идеологии (этнополитических смыслов и ценностей) и социальной практики (этнополитики в узком смысле).

Именно поэтому в последнем случае социальное действие мы определяем в традиции А. Турена, когда «вместо того, чтобы искать гарантов, то есть принципы легитимации человеческого действия в отношении вещей человеческого мира – в божественной благодати, в требованиях разума или в смысле истории, общество, достигшее самого высокого уровня историчности, определяет человека только в понятиях действий и отношений. При этом понятие «действие» относится не только к отдельному субъекту, но и к социальным группам различного уровня – это деятельность «исторического субъекта» [8, 19]. А поскольку Турен ставит перед собой задачу объяснить развитие общества как результат взаимосвязи действия и ценностно-нормативных систем, главным фактором, влияющим на действие, становится культура. Само общество представляет собой совокупность систем действия.

Турен также выделяет три системы действия – историчность, определяющую социальные и культурные ориентации общества и избавляющую общество от редукционизма, институциональную систему, которая вызывает изменения общества (тип институционализации определяет тип трансформаций, происходящих в обществе), и организационную систему, которая обеспечивает равновесие общества, способствует сохранению его целостности.

Таким образом, возможности и ограничения всякой этнизации и этнификации политического, в том числе конструирование новых смыслов и ценностей этнополитики, определяются, во-первых, социокультурными традициями, во-вторых, характером институционально-организационной среды. В первом случае речь идет о субъективистских концептах: традициях, морали, культуре, праве и т. д. Во втором случае необходимо говорить об объективных возможностях и ограничениях конструирования (социоинженерии) институциональной и организационной систем общества.

У каждого этнического сообщества свое социальное пространство и свое социальное время, которые формируют производные от них пространственно-временные структуры, в том числе и этнополитические. Этнотруппы формируют

«свою» историю, пытаясь через прошлое определять свое настоящее и будущее. Причем в этноисториях господствует традиция и «антиутопия» как образ идеального прошлого.

В условиях множественности социальных пространственно-временных конструкций и их взаимопроникновения особую значимость приобретают социальные институты – государство, религия, образование, СМИ и т.д., – наиболее успешно формирующие смыслы и содержание прошлого, настоящего и будущего. Они связывают разные пространства и времена, сохраняя социокультурные и иные идентичности и главным образом политико-идеологические.

Подводя итоги, сформулируем два наиболее значимых для нашего анализа тезиса. Во-первых, многосоставные общества являются историческими конструкциями, находящимися в процессе постоянного изменения. Но это вовсе не означает, что эти конструкции непрочны и недолговечны и представляют собой лишь результат социальной инженерии. Они построены на социальном фундаменте с учетом социально-экономического, политического и культурно-исторического контекста.

При этом само содержание контекстов и смыслов этнополитики всегда ситуативно, изменчиво и пластично. Так, если в начале 90-х г. прошлого века в этнополитических процессах преобладали институциональные факторы, что объясняется глубинными трансформациями базовых социальных институтов, то сегодня на первый план выходят ценностные факторы. Сегодня именно ценности, которые разделяет большинство и по отношению к которым большинство выражает преданность, формируют социальные идентичности, и, прежде всего, идентичности этнические и идентичности национальные и тесно связанные с ними политические.

Однако эти ценности не были изначальными и являются отражением современных идеологий, формируемых социальными антрепренерами: государством, партиями, церквями, элитами и пр. Сегодня в России проблема этнического взаимодействия и его влияния на этнополитические процессы – это прежде всего проблема совпадения кодов этнической и национальной идентичностей с культурной матрицей доминирующей этнической группы.

Таким образом, специфика современной этнополитики и этнополитических процессов есть прямое и обратное отражение ценностей и смыслов (идеологий) сегодняшнего дня.

Во-вторых, представляется, что антиномия этнического партикуляризма и гражданского универсализма как базовый смысл любой этнополитики не является фатальной и неразрешимой. Этническое и гражданское, являясь базовыми политическими категориями, в условиях «этнического ренессанса» существуют и определяют себя во

взаимодействии. И сегодня в условиях экономического кризиса межэтнические отношения – это не игра с нулевым результатом. Здесь не может быть победителей и проигравших. Здесь или все проигрывают, или все должны выиграть.

Исходя из вышеизложенного, этнополитика современной России должна включать в себя решение трех задач:

- Построение единой гражданской нации в рамках мультикультурного и многосоставного государства, то есть формирование единого пространственно-временного континуума нации.
- Развитие всех этносов, включая этническое большинство – русских, и этнические меньшинства, то есть конструирование пространственно-временных локусов этнических групп (как территориальных, так и дисперсных), включенных в общероссийскую политическую матрицу.
- Гармонизация межэтнических отношений и преодоление рисков и угроз, связанных с межэтническими противоречиями, то есть совмещение пространственно-временных локусов этнических групп и единого пространственно-временного континуума нации.

При этом современная этнополитика России должна быть адекватной особенностям исторического и социокультурного развития нашего общества и государства.

Литература

1. Бергер П. Конструирование социальной реальности. – М.: Медиум, 1995. – 335 с.
2. Бурдьё П. Социология. Начала. – М.: Socio-Logos, 1994. – 345 с.
3. Гидденс Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов; под общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Посилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 568 с.
4. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический проспект, 2003. – 584 с.
5. Муравьев В.Н. Овладение временем. – М.: РОССПЭН, 1998. – 189 с.
6. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с фр. Е.А. Самарской; ред. М.Н. Грецкий. – М.: Научный мир, 1998. – 386 с.
7. Фадеечева М.А. Университетская Этнополитология ad marginem // Полис. – 2007. – №6. – С. 45–51.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 265 с.

Literature

1. Berger P. Constructing of social reality. – M.: Medium, 1995. – 335 p.
2. Bourdieu P. Sociology. The beginning. – M.: Socio-Logos, 1994. – 345 p.
3. Giddens E. Sociology / transl. from English; the scientific editor V.A. Yadov; general editors L.S. Gureva, L.N. Posilevich. – M.: Editorial URSS, 1999. – 568 p.
4. Giddens E. The constitution of society: outline of the theory of structuration. – M.: Academicheskyy prospect, 2003. – 584 p.
5. Muravev V.N. Possession of time. – M., 1998. – 189 p.
6. Turen A. The an return of acting person. Outline of sociology / transl. from fr. by E.A. Samarskaya; ed. by M.N. Gretskey. – M.: Nauchny Mir, 1998. – 386 pages.
7. Fadeicheva M.A. University Ethnopolitology ad marginem // Polis. – 2007. – №6. – P. 45–51.
8. Habermas U. Moral conscience and communicative action. – SPb.: Nauka, 2000. – 265 p.

Сведения об авторе

Савинов Леонид Вячеславович - кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и социального управления Сибирской академии государственной службы, г. Новосибирск, e-mail: savi2001@mail.ru

Data on author

Savinov Leonid Vyacheslavovich – cand. of political sci., lecturer of department of sociology and social management of Siberian Academy of Public Administration, Novosibirsk, e-mail: savi2001@mail.ru

УДК 331.108.2

ББК 60.832+65.240

И.Р. Казарян

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА

Данная статья посвящена описанию проблем, порожденных мировым кризисом и способам их разрешения. Проблемы: экономика страны находится в состоянии коллапса, недостаток квалифицированных кадров может привести к хаосу внутри экономики страны, необходима совершенная программа отбора кадров. Способы разрешения: разработка стратегии обеспечения кадрами, создание корпоративных университетов, кадровый резерв как неотъемлемый элемент кадровой политики.

Ключевые слова: мировой экономический кризис, кадры, человеческие ресурсы, государственная кадровая политика, недостаток кадров, кадровый резерв.

I.R. Kazaryan

THE IMPROVEMENT OF THE PERSONNEL POLICY OF THE STATE AUTHORITY IN CONDITIONS OF THE WORLD CRISIS

The article is devoted to the problems caused by the World Crisis and the ways of solving them out. Problems: the economy of the country is in collapse; lack of the qualified personnel leads to the chaos inside the economy of the country. There is the need in total selection of the staff. Ways out: creation of the strategy of providing human resources, creation of cooperative universities, personnel reserve as the main element of the personnel policy.

Key words: world economic crisis, personnel, human resources, state personnel policy, lack of personnel, personnel reserve.

Финансовый кризис в России - это не отголоски из-за океана и не первая месть за Осетию. Дело в том, что экономика – вещь очень инерционная, она не терпит резких движений. Поэтому ни одно событие не может повлиять на нее моментально. Для того чтобы наступил кризис, процесс должен развиваться исподволь. Сегодняшний кризис назревал давно, и возник он внутри экономической системы, построенной на несовершенстве капиталистической модели, отрицающей предыдущую структуру экономики и стиль управления и вызывающей необходимость новых вариантов ее структуризации и подходов в управлении.

Основная задача государства - контролировать, регулировать, поддерживать экономику страны. Главный акцент должен быть сделан на уровень управленческой культуры. Наши управленцы объективно слабее, чем в развитых странах. Недостаток управленческих знаний заключается в том, что сегодня кадровая работа в госучреждениях проводится слабо. Вся она переродилась в земляческие, почти родственные отношения. В результате постепенное разворовывание государственного имущества в отраслях обслуживания, менее подверженных контролю, занятия некоторыми руководителями должностей в ведомствах, не имея никакого опыта работы в данной сфере, неоправ-

данные назначения на высокие должности. Ссылаясь на соответствующие печальные примеры, следует кардинальным образом изменить нынешний хаос в кадрах. В числе государственных управленцев должны быть умные, порядочные люди, независимо от того, где они родились и учились. Люди должны подбираться по своим профессиональным и моральным качествам.

Следует начать с разработки стратегии обеспечения ресурсам. На данный момент ситуация с кадрами проблематична. Как правило, устраиваются на работу по специальности всего от десяти до двадцати процентов (в зависимости от специальности и института) выпускников. Почему? Прежде всего, это вопрос зарплаты. Молодые специалисты выбирают работу не по специальности, а из соображений престижа и из-за оплаты труда. Минимум зарплаты, при которой современный молодой специалист готов рискнуть попробовать себя в своей специальности, составляет около двадцати тыс. руб. При этом выпускник должен видеть перспективу серьезного увеличения зарплаты в обозримом будущем, а также служебного роста. Но в большинстве случаев молодой специалист может претендовать на четыре-семь тыс. руб. А повышения он может дожидаться только с уходом старших товарищей, которые не спешат на пенсию